

Герцль Теодор

**Обновленная древняя
страна**

Выпуск 1

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.8

ББК 84-4

Герцль Теодор

Обновленная древняя страна: Выпуск 1 / Герцль Теодор – М.: Книга по Требованию, 2011. – 36 с.

ISBN 978-5-458-09587-7

В утопическом романе "Обновленная древняя страна" Теодор Герцль создал идеалистическую картину будущего еврейского государства. Здесь он сформулировал эскиз политического и общественного строя еврейского государства в Палестине. В переводе на иврит роман назывался Тель-Авив (то есть «весенний холм», название библейского поселения); название будущего города Тель-Авив было навеяно романом Герцля.

ISBN 978-5-458-09587-7

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

І КНИГА.

Образованный и отчаявшійся молодой человѣкъ.

Глава І.

Д-ръ Фридрихъ Левенбергъ сидѣлъ, погруженный въ глубокую меланхолію, за круглымъ мраморнымъ столомъ въ своемъ кафе. То былъ одинъ изъ старыхъ, уютныхъ вѣнскихъ кафе въ Alsergrund'ѣ ¹⁾. Левенбергъ посѣщалъ его много лѣтъ со студенческой скамьи.

Съ аккуратностью бюрократа являлся онъ въ часовъ пять пополудни. Блѣдный, болѣзненный кельнеръ почтительно его привѣтствовалъ.

Левенбергъ отвѣшивалъ вѣжливый поклонъ столь же блѣдной кассиршѣ, съ которой онъ никогда не заговаривалъ. Затѣмъ онъ садился за круглый столъ, выпивалъ кофе, прочитывалъ всѣ газеты, которыя ему кельнеръ услужливо приносилъ.

Покончивъ съ ежедневными и еженедѣльными газетами, юмористическими и спеціальными журналами, на что требовалось не менѣе полутора часовъ, онъ вступалъ въ бесѣду съ пріятелями или предавался мечтамъ наединѣ.

Впрочемъ, бесѣды были дѣломъ прошлаго, нынѣ же остались однѣ мечтанія, ибо тѣ два пріятеля, которые изъ года въ годъ проводили съ нимъ эти очаро-

¹⁾ Одинъ изъ кварталовъ въ Вѣнѣ. (прим. перев.)

вательные, хотя и безсодержательные вечерние часы в Café Birkenreis, недавно померли. Оба они были старше его и, как писал один из них, Генрихъ, в своемъ прощальномъ письмѣ къ Левенбергу передъ тѣмъ, какъ пустить себя пулю въ високъ: „было такъ сказать хронологически понятно, почему они прежде, чѣмъ онъ, пришли въ отчаяніе“.

Другой—Освальдъ—отправился въ Бразилію съ цѣлью заняться переселеніемъ евреевъ—пролетаріевъ и тамъ недавно погибъ отъ желтой лихорадки. Вотъ почему Фридрихъ Левенбергъ сидѣлъ послѣдніе мѣсяцы одиноко за столomъ и, одолѣвъ кучу газетъ, предавался мечтамъ, ни съ кѣмъ не заговаривая. Онъ былъ слишкомъ утомленъ, чтобы вступать въ новыя знакомства, какъ будто это былъ не 23-хъ лѣтній юноша, а старикъ, перенесшій уже неоднократно разлуку съ дорогими людьми.

Онъ сидѣлъ и неподвижно глядѣлъ въ легкій паръ, окутывавшій отдаленные углы зала. Около билліарда стояло нѣсколько молодыхъ людей съ длинными кіями въ рукахъ и въ смѣлой позѣ.

Имъ было довольно весело, хотя находились въ такомъ же положеніи, что и онъ—то были начинающіе врачи, новоиспеченные юристы, недавно окончившіе техники. Высшія науки они то закончили, а занятій не было.

Большинство изъ нихъ были евреи и обыкновенно жаловались, когда не заняты были игрой въ билліардъ или въ карты, какъ трудно въ „такое“ время пробить себя дорогу.

Пока что они убивали это время въ безконечной игрѣ. Левенбергъ испытывалъ смѣшанное чувство жалости и зависти къ этимъ людямъ безъ мысли. Въ сущности они были лишь пролетаріями высшаго порядка, павши жертвой міросозерцанія, господствовавшего 20—30 лѣтъ тому назадъ въ среднихъ слояхъ еврейства. Сыновья должны были стать не тѣмъ, кѣмъ были родители. Подальше отъ торговли, отъ гешефтовъ. И наступило массовое стремленіе молодого поколѣнія къ „образованнымъ“ профессіямъ.

Въ результатѣ получился излишекъ въ людяхъ съ университетскимъ образованіемъ. Эти люди не находили примѣненія своимъ знаніямъ, для скромнаго образа жизни не были годны, а пролѣзть на службу, какъ это дѣлали коллеги—христіане, они не могли и, такъ сказать, лежали на рынкѣ безъ спроса. Имѣя обязанности, вытекавшія изъ ихъ званія, они страдали жалкимъ сословнымъ высокомеріемъ и кичились титулами безъ денегъ. Тѣ изъ нихъ, которые обладали кое-какимъ достаткомъ, могли его медленно проѣдать или же жили на средства родителей. Другіе выжидали „выгодной партіи“ съ завидной перспективой стать рабомъ у тестя. Третьи пускались въ безпощадную и подчасъ нечистую конкуренцію въ тѣхъ профессіяхъ, гдѣ требовался болѣе шикарный образъ жизни.

И глазамъ представлялось изумительное и печальное зрѣлище. Люди, отказывавшіеся стать обыкновенными купцами, заводили „гешефты“ въ качествѣ людей съ университетскимъ образованіемъ: гешефты съ секретными болѣзнями или недозволенными процессами. Многіе становились изъ нужды журналистами и торговали общественнымъ мнѣніемъ. Другіе толкались по народнымъ сборищамъ и предлагали въ продажу потерявшія цѣну бойкія словечки—и все это съ цѣлью пріобрѣсти извѣстность и завязать сношенія, которыя могли-бы впослѣдствіи принести пользу. Левенбергу не былъ по душѣ ни одинъ изъ этихъ путей.

„Не годишься ты для жизни“, сказалъ ему дурно настроенный бѣдный Освальдъ передъ своимъ отѣздомъ въ Бразилію: „такъ какъ гнушаешься слишкомъ многихъ вещей. Надо умѣть кое-что проглотить, какъ напр. паразитовъ, нечистоты. Отъ этого человѣкъ полнѣетъ и крѣпнеть—и кое къ чему онъ приводитъ. А ты, ты не болѣе какъ деликатный оселъ. Иди въ монастырь, Офелія! ... Что ты порядочный человѣкъ, тебѣ никто не повѣритъ—ибо ты еврей. И что же—свои гроши, полученные въ наслѣдство, ты истратишь скорѣе; чѣмъ пріобрѣтешь практику. Затѣмъ, прійдется же тебѣ или взяться за что-нибудь такое;

чего ты гнушаешься, или повѣситься. Купи же себѣ, пожалуйста, веревку, пока въ карманѣ имѣе^{тъ} гульденъ. На меня тебѣ разсчитывать нечего. Во ^{первыхъ} ^{вторыхъ} меня здѣсь не будетъ, во вторыхъ—я тебѣ другъ.”

Освальдъ пытался его уговорить отправиться въ Бразилію, но Фридрихъ Левенбергъ не могъ рѣшиться на это. Самую сокровенную причину своего отказа онъ, разумѣется, не высказалъ другу, отправившемуся, чтобы на чужбинѣ найти смерть.

Причина была воплощена въ мечтательное, прелестнѣйшее созданіе. Объ Эрнестинѣ онъ не рискнулъ повѣдать даже своимъ двумъ друзьямъ. Онъ боялся шутокъ надъ своимъ самымъ нѣжнымъ чувствомъ.

И вотъ ужъ нѣтъ болѣе въ живыхъ обоихъ добряковъ. Онъ не могъ даже при лучшемъ желаніи обратиться къ нимъ за совѣтомъ или сочувствіемъ. А дѣло было весьма и весьма затруднительное. Ему захотѣлось представить себѣ, что сказали бы они по этому поводу, если-бы съ нимъ не разлучились, а сидѣли бы по прежнему на старыхъ своихъ мѣстахъ за круглымъ столомъ.

Онъ закрылъ глаза и въ воображеніи сталъ сочинять бесѣду.

„Друзья мои, я влюбленъ—нѣтъ, я люблю“.

— „Бѣдняга“, сказалъ бы Генрихъ.

Освальдъ же замѣтилъ бы: „такая глупость къ лицу тебѣ, милый Фридрихъ“.

— „Это болѣе, чѣмъ глупость, милые пріятели, это настоящее сумашествіе. Ибо ея отецъ, г-нъ Леффлеръ, вѣроятно, посмѣется надо мною, если я попрошу у него руки Эрнестины. Вѣдь, я не болѣе какъ кандидатъ правъ съ жалованіемъ въ сорокъ гульденовъ. Ничего, ничего болѣе у меня нѣтъ. Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ я окончательно разорился. Тѣ нѣсколько сотъ гульденовъ, которые у меня оставались отъ наслѣдства, истрачены. Я сознаю, что совершенно истратиться было безуміемъ. Но мнѣ такъ хотѣлось быть вблизи нея, имѣть передъ глазами эту грацію, внимать ея милому голосу. Пришлось лѣтомъ посѣтить курортъ, за-

тѣмъ театры, концерты. Надо было хорошо одѣваться, чтобы входить въ ея общество. И вотъ теперь у меня ничего нѣтъ, а люблю еего прежнему, нѣтъ, больше чѣмъ когда либо“.

— „И что намѣренъ ты сдѣлать?“ спросилъ бы Генрихъ.

— „Я намѣренъ ей сказать, что ее люблю, и просить ее подождать, пока обезпечу свое существованіе“,

Ему послышался саркастическій смѣхъ Освальда: „Еще-бы, ждать—Эрнестина Леффлеръ не такъ безразсудна, чтобы поджидать бѣдняка, пока сама не отцвѣтетъ. Ха, ха, ха!“

И смѣхъ дѣйствительно раздался вблизи. Фридрихъ Левенбергъ въ смущеніи раскрылъ глаза.

Передъ нимъ стоялъ и добродушно подсмѣивался г-нъ Шифманъ, молодой служащій въ банкѣ, съ которымъ Фридрихъ познакомился въ домѣ у Леффлера. — „Вы докторъ, вчера поздно легли спать—я вижу—васъ уже теперь клонить ко сну“.

— „Я не спалъ“, возразилъ въ смущеніи Фридрихъ.

— „Ну и сегодня оно долго продлится. Вѣдь вы отправляетесь къ Леффлеру?“ Шифманъ усѣлся непринужденно за столъ.

Фридриху не особенно нравился этотъ молодой человекъ, но онъ мирился съ его присутствіемъ, такъ какъ имѣлъ возможность бесѣдовать съ нимъ объ Эрнестинѣ и частенько узнавать у него, въ какой театръ она отправлялась. Надо замѣтить, что Шифманъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ кассиршами театра и доставалъ билеты на самые недоступные спектакли.

— „Да“, промолвилъ Фридрихъ: „сегодня я также приглашенъ къ Леффлерамъ“.

Шифманъ, взявшій въ руки газету, воскликнулъ. „Какъ это странно“.

— „Что именно?“

— „Вотъ это объявленіе“.

— „Ба, вы и объявленія читаете?“ произнесъ насмѣшливо Фридрихъ.

— „Какъ это—также?“ возразилъ Шифманъ. „я преимущественно читаю объявленія. Это самое интересное въ газетѣ—не считая биржевыхъ извѣстій“.

— „Развѣ? Биржевыхъ извѣстій я еще никогда не читалъ“.

— „Ну, конечно.—Вы..... Но я! мнѣ стоитъ лишь заглянуть въ биржевые „курсы“—и я изложу вамъ все положеніе въ Европѣ.... Затѣмъ слѣдуютъ объявленія. Вы и представленія не имѣете. что тамъ имѣется. Все равно—что пойти на рынокъ. Здѣсь предлагаются въ продажу множество всякихъ вещей и людей. То есть продажно, собственно говоря, все на свѣтѣ—но цѣна не всегда доступна.... Заглянувъ въ эту рубрику объявленій, я постоянно узнаю, какія „оказіи“ бываютъ. Все слѣдуетъ знать, ни къ чему не прибѣгать. — Но вотъ уже нѣсколько дней какъ я вижу одно объявленіе, котораго я не понимаю“.

— „Развѣ оно на иностранномъ языкѣ?“.

— „Посмотрите-ка, докторъ, сюда“. Шифманъ поднесъ ему газету и указалъ на маленькое объявленіе, гласившее слѣдующее: „Ищутъ образованнаго и отчаявшагося молодого человѣка, готоваго въ послѣдній разъ продѣлать опытъ надъ своей жизнью. Съ предложеніями обращаться по адресу N. O. Body въ контору газеты“.

— „Да, вы правы“, сказалъ Фридрихъ: „Это удивительное объявленіе. Образованный и отчаявшійся молодой человѣкъ. Такихъ найти возможно. Но послѣдняя часть предложенія усложняетъ дѣло. Какъ велико должно быть отчаяніе, чтобы надъ жизнью въ послѣдній разъ произвести опытъ!“

— „Поэтому-то г-нъ Боди, повидимому, и не въ состояніи его найти. Я уже въ нѣсколькихъ нумерахъ вижу это объявленіе. Хотѣлъ бы я все таки знать, кто этотъ Боди со страннымъ вкусомъ“.

— „Это *никто*“.

— „Что значитъ никто“.

— „N. O. Body—nobody. *Никто*—по англійски“.

— „Вотъ какъ.... про англійскій я и не подумалъ“.

— „Все надо знать и ни къ чему не прибѣгать“.

Однако пора, если мы не хотимъ опоздать къ Леффлеру. Именно сегодня надо быть аккуратнымъ“.

— „Почему именно сегодня?“ спросилъ Левенбергъ.

— „Къ сожалѣнію, сказать немогу. Сдержанность у меня дѣло чести, но вы можете готовиться къ сюрпризу... Человѣкъ, получите!“.

Сюрпризъ?—Фридрихъ почувствовалъ вдругъ безотчетный страхъ.

Вышедши съ Шифманомъ изъ кафѣ онъ примѣтилъ снаружи въ нишѣ дверей мальчика лѣтъ десяти, который, съжившись въ своемъ тоненькомъ пиджакѣ и прижавши руки къ тѣлу, притоптывалъ ногами снѣгу, навѣянный въ этотъ защищенный уголокъ. Подпрыгиваніе казалось со стороны очень забавнымъ. Но Фридрихъ видѣлъ, что бѣдняжка жестоко мерзъ въ изорванныхъ башмакахъ. Онъ всунулъ руку въ карманъ, отыскалъ при свѣтѣ фонаря три крейцера и далъ ихъ мальчику. Этотъ взялъ ихъ, тихо дрожащимъ отъ холода голосомъ пробормоталъ „благодарю“ и быстро убѣжалъ.

— „Что, вы поощряете нищенство?“ произнесъ съ негодованіемъ Шифманъ.

— „Я не допускаю, чтобы этотъ мальчикъ для потѣхи шлялся по декабрьскому снѣгу... мнѣ къ тому же кажется, что онъ еврей“.

— „Пусть тогда обратится въ общину или Аллансъ, а не болтается около кафе“.

— „Не волнуйтесь, г-нъ Шифманъ, вѣдь, вы ему ничего не дали“.

--- „Любезный докторъ“, сказалъ Шифманъ съ рѣшимостью: „я состою членомъ Общества борьбы съ бѣдностью и нищенствомъ. Годовой взносъ—гульденъ“.

Глава II.

Семейство Леффлеръ жило во второмъ этажѣ большого доходнаго дома на улицѣ Gonzaga. Въ партерѣ ¹⁾ помѣщался складъ суконъ фирмы „Морицъ Леффлеръ и К^о“.

¹⁾ Партеръ—первый этажъ. (Прим. перев.)

Уже въ передней Фридрихъ и Шифманъ заключили по количеству висѣвшихъ пальто и мантиль, что сегодня общество должно быть многочисленнѣе обыкновеннаго.

— „Цѣлый, магазинъ платьевъ“, промолвилъ Шифманъ.

Въ гостинной было нѣсколько людей, съ которыми Фридрихъ былъ знакомъ.

Незнакомъ ему былъ господинъ съ лысиной, стоявшій у рояля вблизи Эрнестины и улыбавшійся ей очень дружески. Молодая дѣвушка протянула вошедшему руку.

— „Докторъ Левенбергъ, позвольте васъ представить. Это г-нъ Леопольдъ Вайнбергеръ“.

— „Компаньонъ фирмы „Самуилъ Вайнбергеръ и сыновья въ Брюннѣ“, дополнилъ папаша Леффлеръ не безъ торжественности въ голосъ.

Оба господина пожали другъ другу руку, а Фридрихъ при этомъ случаѣ замѣтилъ, что Вайнбергеръ, совладѣлецъ брюннской фирмы, порядкомъ косилъ глазами и имѣлъ очень потную ладонь. Это ему не было противно, такъ какъ оно спугнуло первую, пронесшуюся какъ молнія мысль, которая явилась у него при входѣ. Эрнестина и такой человѣкъ—это было попросту невозможно.

И такъ, какъ она стояла, стройная, граціозная склонивъ на бокъ прелестную голову, она приводила его въ восхищеніе. Ему однако, пришлось отойти въ сторону, такъ какъ стали появляться другіе гости, которыхъ Эрнестина встрѣчала. Только Леопольдъ Вайнбергеръ изъ Брюнна назойливо держался около нея.

Фридрихъ освѣдомился у Шифмана: „Этотъ Вайнбергеръ навѣрное старый знакомый семейства“

— „Нѣтъ“, сказалъ Шифманъ, они его знаютъ лишь двѣ недѣли, но это очень хорошая суконная фирма. „Что хорошо, г-нъ Шифманъ, сукно или фирма?“ спросилъ Фридрихъ, развеселившись и утѣшившись. Вѣдь, не могъ же человѣкъ, котораго знаютъ какихъ нибудь 14 дней, быть женихомъ.

— „И то, и другое“, возразилъ Шифманъ: „Са-

муиль Вайнбергеръ и С-вья добываютъ сколько угодно денегъ на 4 процента. Первый сортъ! Вообще сегодня все здѣсь по благородному. Вонъ видите того сухопарого съ выпученными глазами—это Шлезингеръ, повѣренный по дѣламъ барона Гольдштейна. Противный онъ человѣкъ, но очень принять “

— „За что?“

— „Какъ за что? за то, что онъ повѣренный барона Гольдштейна. Знаете-ли того съ сѣдыми баками, также нѣтъ? Откуда же это вы явились? Это крупный спекулянтъ Лашнеръ, одинъ изъ виднѣйшихъ биржевиковъ. Онъ играетъ тысячами бумагъ, какъ игрушкою. Въ настоящее время онъ очень богатъ. Дай Богъ мнѣ. Будетъ ли у него чтонибудь черезъ годъ—не знаю. Сегодня его супруга носитъ самыя крупныя брилліантовыя запонки... всѣ другія ей очень завидуютъ.“

Госпожа Лашнеръ сидѣла въ одномъ изъ угловъ салона въ кругу такъ же пышно разодѣтыхъ дамъ и вела страстный разговоръ о шляпахъ. Остальныя группы находились пока въ „прохладномъ“ настроеніи передъ ужиномъ. Нѣкоторые, повидимому, уже были освѣдомлены о предстоящемъ сюрпризѣ, на который Шифманъ намекалъ въ кафе. Они строили таинственныя мины и перешептывались между собою. Фридриху было не по себѣ, хотя онъ и не сознавалъ ясно почему. Въ этомъ обществѣ онъ рядомъ съ Шифманомъ игралъ самую незначительную роль. Прежде онъ этого не замѣчалъ, ибо когда являлся, Эрнестина оставалась съ нимъ. Сегодня же она къ нему не обратилась ни съ однимъ взглядомъ, ни съ однимъ словомъ. Г. Вайнбергеръ, вѣроятно, былъ очень увлекательнымъ балагуромъ.

Фридрихъ испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто судьба намѣренно старалась его унижить. Онъ и Шифманъ одни только явились не во фракахъ не въ смокингахъ, а въ скртукахъ. Изъ за этого они внѣшнимъ видомъ своимъ выдѣлялись какъ бы паріи вечера. Самое лучшее для него было бы уйти, но на это не хватало духу.

Просторный салонъ былъ уже переполненъ. Нo кого то, повидимому, еще ожидали. Фридрихъ обратился за разъясненіемъ къ своему товарищу по счастью. Шифманъ, только что подслушавшій замѣчаніе хозяйки дома, уже зналъ въ чемъ дѣло.

— „Еще поджидаютъ Грюна и Блау“

— „Кто они такіе?“ спросилъ Фридрихъ.

— „Что? вы не знаете Грюна и Блау. Самыхъ остроумныхъ людей Вѣны? Вѣдь не бываетъ ни одного вечера, ни одной свадьбы, ни одного дѣвичника безъ Грюна и Блау. Иные находятъ Грюна, другіе Блау болѣе остроумнымъ. Грюнъ болѣе гораздъ по части каламбуровъ, Блау больше потѣшается надъ людьми. За это-то Блау и больше пощечинъ получалъ, что, впрочемъ, его мало смущаетъ: у него для этого и подходящее лицо. Его щеки не краснѣютъ отъ побоевъ. Въ лучшихъ еврейскихъ домахъ эти двѣ личности очень популярны. Но одинъ не можетъ переносить другого: они вѣдь конкуренты.“

Въ салонѣ замѣтно нѣкоторое движеніе. Вошелъ г. Грюнъ, длинный худощавый человѣкъ съ рыжеватой бородой и съ ушами, торчавшими врозь и прозванными господиномъ Блау „необрубленными,“ такъ какъ ихъ верхній край не загибался къ ушной раковинѣ, а заканчивался плоско. Мать Эрнестины пошла на встрѣчу знаменитому остряку съ укоромъ, смѣшаннымъ съ любезностью.

— „Почему это вы только теперь явились, г. Грюнъ?“

— „Я позже не могъ придти,“ отвѣтилъ онъ шутливо. Тѣ гости, которые это слышали—съ благодарностью улыбнулись. Но вдругъ по лицу шутника пронеслось облако: явился Блау.

Г. Блау, средняго роста, лѣтъ тридцати съ гладко выбритымъ лицомъ съ пенснэ на горбатомъ носу.

— „Я былъ въ театрѣ на Виденѣ¹⁾“, произнесъ

¹⁾ Wieden—одинъ изъ Вѣнскихъ кварталовъ. (прим. перев.)